

Отчего мы плачем, думая, что смеемся?

Если уже сегодня, не желая затягивать с добрым делом, я обращусь к народу с разумным кличем — воздвигнуть памятник актрисе Ахеджаковой при ее жизни, то наверняка первым делом меня поддержат позавчерашние мэнээсовки, вчерашние бухгалтерши и сегодняшние челночницы. Примкнувшие к ним уборщицы, посудомойки, швейницы и мороженщицы, не раздумывая, расстанутся с наработанной копеечкой, и при беглом изучении их анкетных данных мы обнаружим, что сбрасывающиеся на памятник Ахеджаковой — сплошь разведенки, при любом положении и в любом возрасте живущие робкой надеждой на встречу с порядочным мужчиной и упрямой верой в сверхкрасивейшую любовь.

Ахеджакова не однажды и показала их нам, и многожды оплакала, сыграв настолько трогательно и столь живо, что равных ей — ни в кино, ни в театре — не сыскать.

В этом она убедила нас в очередной раз со своим давним и замечательным партнером Михаилом Жигаловым и с «Персидской сиренью». Николая Коляды, мастераки постановленной Борисом Мильграмом. В прологе, непременно встречаемая бурными аплодисментами, несравненная Лия исполняет танец отчаявшейся хищницы, вышедшей на небезопасную охоту за особью мужского пола. В эпилоге она, к нашей радости, предстает пред нами, отчего-то полюбившими ее, празднующей свой секундный триумф подлинной победительницей: через исповедь и через слезы она забила зверюгу, перекормленного моральным кодексом строителя коммунизма и катастрофически недобравшего ласки.

«Куба! Любовь моя!» — выкрикивает ее героиня, на пару с героем Михаилом Жигаловым, упрямо вздымая крохотный кулачок и отчаянно пританцовывая. При этом слеза, туманящая отчаянный взор Лии, множится на сотни зрительских глаз.

— Я играю не себя, а женщину в определенных обстоятельствах, которую придумал Коляда. Если вам кажется, что в сыгранном мною — ностальгия по быломu, то не стану с вами спорить. Конечно, хорошо бы вернуть молодость, но поскольку это невозможно, то и говорить об этом не стоит.

Я бы не прочь вернуться в детство, но — только без пионерского галстука и без тех глупостей, что с этим галстуком связаны. Нас, если помните, зачем-то учили ходить строевым шагом, стрелять, бегать короткими перебежками и доносить друг на друга.

Когда-то Пастернак сказал: никогда не объединяйтесь — это путь к фашизму. Я ни в одну партию и ни в какую коалицию никогда не входила и не войду. Как только люди начинают объединяться — даже очень порядочные, — они почему-то становятся друг для друга врагами и буквально на наших глазах курвятся. Вспомните демократов, сохранивших академика Сахарова, — а ведь среди них были светлые головы! И хотя каждый из них в отдельности производит впечатление порядочного человека, зато все вместе — это какой-то ужас: всяк кого-то ненавидит, всяк ведет досье на того, с кем имеет дело.

Это власть, ее атрибуты, и мне это очень чуждо.

Мильграм выстроил рассказ о постсоветских пенсионерах — о бывшем шофере и бывшей бухгалтерше — как череду смеющихся один другого «военных» эпизодов: то идет в наступление Женщина, то — Мужчина.

Ахеджакова срывает аплодисменты, когда, подталкиваемая Жигаловым, забавно — как цапелька — широко перебирает ножками и чудом удерживает равновесие, нелепо шлепаясь на казенный стол. Она еще более смешная, когда, открываясь в своей симпатии герою Жигалова, крутит по-кошачьи бедро и, пьяно покачиваясь, готова без промедления сдатьсь возможному себе Аполлоном обыкновенному пенсионеру... — впрочем, это не только смешно, но еще и горько.

И вот мы плачем, думая, что смеемся, и хохочем, полагая, что повода для слез — ни на грош: власть Ахеджаковой необсуждаема и желанна.

— Я говорю о своей профессии без придыхания. Я знаю, что надо утешать, надо смягчать сердца. Это то главное, чем сейчас должны заниматься искусство и мы, театральные работники.

Увы, как и люди прочих профессий, мы не ангелы. Пушкин, может быть, был не прав, когда говорил, что гений и злодейство несовместны — но мой взгляд, даже очень совместны. Одно дело — актриса на сцене, другое — в жизни. В быту она может бить костюмершу по морде, а выходя на сцену, становится великой. А бывает и наоборот: человек изумительный, а в театре — ничто.

Бывшая бухгалтерша, которую играет Ахеджакова, решила изъять из огромной груды писем свое письмо, написанное (как и прочие) по газетному объявлению: ей (как и многим) необходим просто мужик. При этом ей помнится, что письмо было вложено в конверт, на котором изображен зайчик — с елочной веточкой и с «шариком». Этот зайчик никак не отыскивается...

Увлеченные поиском «зайчика», бывшая бухгалтерша и бывший шофер неожиданно для себя оказываются богаты на сто тонн недополученной ими за всю жизнь радости — нешуточно разбогатели на куст персидской сирени: скучная стена, образованная почтовыми ящичками, пылает сиреневыми всполохами, и мы догадываемся, что пусть с опозданием, но хорошие люди нашли друг друга.

что им невыносимо слышать тот сленг, на котором объясняется моя Зина. А она замученная ходками в Малайзию, униженная придирками милиционеров и таможенников челночница. Скажите мне, каким языком она должна объясняться с этим сумасшедшим миром?

Не понимаю! Я, конечно, могу кое-что убрать из текста, но это значит предать автора. И вот я читаю: «Как не стыдно Ахеджаковой!» «Как она может себе такое позволять — по-неслосу говно по трубам!»

А могу! Автор — тот человек, которого я ценю и уважаю. Да я и сама говорю языком Колиных героев — знаю эту «нову мову», которую, как мне кажется, он во многом изобрел сам, как некогда изобрел свой язык Андрей Платонов.

Колина Зина говорит языком нашего времени — это своего рода документ для будущего историка, которому однажды захочется нас понять.

«Новая мова» Коляды и правда без возвышенностей — его язык иногда обидно беден, порой переперчен вулгаризмами. Но коли внимая ему, я более думаю о досадной неправомерности нашего бытия, нежели о нарушениях правил «могучего и великого», если по этой самой причине я хохочу и плачу, желая любить и надеясь быть любимым, то, следовательно, и сделать меня таким возвышенным, таким как бы новым для самого себя, возможно, именно подобным манером — через такой язык, как у Коляды, через таких актеров, как Лия Ахеджакова и Михаил Жигалов.

Вон они сидят: два вроде бы чужих для меня человека — она в несурзатной яркой юбке, при кофточках, одна немислимее другой, он — в плетенках на босу ногу, в давнем-предавнем китайском макинтоше, наброшенном на нижнюю фуфаячку, злят они друг друга, слышат и не слышат и как бы случайно заговаривают о волшебных запахах, скрашивавших их былую молодость, — о мерзком запахе «Красной Москвы», о сногсшибательном — «Персидской сирени». И говорят-то они ничуть не лучше меня или моей соседки — примерно так же, но отчего же, когда я говорю своей соседке примерно о том же, о чем талдычат они, она не рыдает, и никто из тех, кто нас слышит, даже не улыбается? А эти...

Как же так выходит у них, что, наигравшись с «зайчиком» да «ключиком», они тыкают меня мордой в душистую сирень и, выражаясь отнюдь не в «высоком штиле», погружают мою душу в гремучий и ностальгический пряный раствор из давней любви и непреходящей надежды?

Не думаю, не знаю, да по правде говоря, и не хочу знать: подлинно человеческое непевовидно на язык коридора, однако — хотите вы того или не хотите — произрастает именно из него. И это уж точно по Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора...».

Конечно, из сора.

Разумеется, из того самого сора, что некогда назывался чуть потеплее — «маленьким человеком», по школе, — наша Ахеджакова и почти всегда равный ей Жигалов сочиняют для нас «сиреневые туманы»; именно что из житий наших бедных разведенков, в одночасье записавшихся в лотошницы и челночницы, и складывает наша Лия свой нежно-горький плач по всему хорошему, что мы в них (а заодно и в себе) по глупости похоронили.

Нет, пусть уж Жигалов подождет, а дорвавшиеся до власти подвинутся, пусть уж Коляда сочинит что-нибудь еще, а Мильграм поставит, но с памятником актрисе Ахеджаковой тянуть не след. Тем более что если по сути, то будет он посвящен не ей, то есть не только одной ей, но еще и тем, по кому не зноят колокола, а просто-напросто наворачиваются слезы...

Анатолий КОБЕНКОВ

От редакции: ближайший спектакль «Персидская сирень» можно увидеть 15 января на сцене Театра имени Вл. Маяковского

Фото С. МИКЛЯЕВА

Лия Ахеджакова и Михаил Жигалов в спектакле «Персидская сирень»

— Мильграм говорил нам, что история, которую мы играем, глубоко интимна, но о зайчиках — в том смысле, в каком трактует их русская мифология, — речи не было. Может быть, об этом знает Коляда, но помалкивает. Мы ему однажды сказали: «Коленька, нам так надоела наша концертная программа — напишите для нас что-нибудь новенькое!». И он подарил нам «Валенки... половики», с которыми мы объездили весь мир и всю Россию — и в Америку их возили, и в Германию, и в Израиль...

А потом мы поехали на фестиваль пьес Коляды, который проходил в его родном Екатеринбурге, и попросили Колю одарить нас чем-нибудь еще. Сначала он прислал «Манекен» — это чудная пьеса, но по разным причинам мы не смогли ее поставить. Потом он — одновременно — предложил театру «Мы едем, едем...», а мне и Жигалову — «Персидскую сирень».

Мы обратились к Мильграму. Боря тяготеет к западным образцам и российскую драматургию просто не терпит. Но в «Сирень» он влюбился и, как видите, поставил ее, как западную пьесу.

Я знаю театр Коляды, видела поставленные им — по своим пьесам — спектакли. Когда он смотрел то, что получилось у нас, он плакал. А потом сказал нам, что мы вошли в его театр не через ту дверь, какой он пользуется сам, а через свою, о которой он даже не догадывался...

Тот театральный сезон для меня закончился тем, что я сыграла челночницу Зину в его же пьесе «Мы едем, едем...». Кажется, Коля остался нами недоволен, да я и сама от себя не в восторге: работа оказалась очень трудной, но вы ведь знаете, что спектакль не рождается сразу — может зазвучать на пятнадцатом, а то и на двадцатом разе.

Я уже семь лет играю в Колиных «Валенках», и за все эти годы никто — ни разу — не упрекнул меня за тот язык, на котором говорит моя героиня. А сейчас вдруг косыпалось: «как можно» да «как не стыдно!» Кажется, уже стаете двадцать, а заодно с ними и некоторые мои друзья (которые, я знаю, говорят на очень сочном русском языке) пожаловались на то,